

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
ЛИНА МАК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кады
Я БЫЛА ЦАРИЦА
НЕ ПОЕХАЛА Б В *Сидирь*

Это Сибирь, детка!

Лина Мак

**Кабы я была царица,
не поехала б в Сибирь**

«Автор»

2026

Мак Л.

Кабы я была царица, не поехала б в Сибирь / Л. Мак — «Автор», 2026 — (Это Сибирь, детка!)

Жила я себе спокойно, даже замужем побывать успела. А потом в один момент оказалась вдовой — без денег, положения, и только какая-то старая избушка за Уралом есть в моей собственности. Кто же знал, что эту самую избушку уже оккупировал местный царь, а точнее, медведь! Как бы теперь сбежать? Но, кажется, меня никто не собирается отпускать!***— Ты кто такая? Как сюда попала? — надо мной громыхает мужской голос, а перед глазами мелькает белая борода.— Нечего рычать здесь, дедуля! — огрызаюсь спросонья. Я не могу терпеть, когда меня будят!— Снегурочка, я тебя сейчас голым задом на снег выкину, если ты не откроешь свой рот и не скажешь, как оказалась в моём доме! Меня выдёргивают из тёплой кровати и встряхивают за плечи.— Слушай, медведьпереросток! Это мой дом! — шиплю я. — Руки убрал, а то я— А то ты что? — ухмыляется этот "дедуля", слишком нагло осматривая меня, а я теряюсь. — Давай договаривай! А потом отработаешь мне неожиданную ночлежку, Снегурочка! Новый год, всё-таки!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лина Мак

Кабы я была царица, не поехала б в Сибирь

– Ты кто такая? Как сюда попала? – надо мной гроыхает мужской голос, а перед глазами мелькает белая борода.

– Нечего рычать здесь, дедуля! – огрызаюсь спросонья. Я не могу терпеть, когда меня будят.

– Снегурочка, я тебя сейчас голым задом на снег выкину, если ты не откроешь свой рот и не скажешь, как оказалась в моём доме!

Меня выдёргивают из тёплой кровати и встряхивают за плечи. Мало того, что я еле согрелась, пытаюсь найти здесь хоть что-то похожее на систему обогрева, так теперь меня ещё и из кровати выдернули, которую я с таким трудом нагревала!

– Слушай, медведь-переросток, – шиплю я. – Руки убрал, а то я...

– А то ты что? – И меня припечатывают к бревенчатой стене мускулистым телом. – Давай договаривай! А потом отработаешь мне неожиданную ночлёжку, Снегурочка!

***

Жила я себе спокойно, даже замужем побывать успела. А потом в один момент оказалась вдовой — без денег, положения, и только какая-то старая избушка за Уралом есть в моей собственности. Её когда-то оставила мне бабушка. Кто же знал, что эту самую избушку уже оккупировал местный царь, а точнее, медведь, который застал меня за тем, что я поела из его тарелки, посидела на его стуле и улеглась в его кровать! Как бы теперь сбежать! Но, кажется, меня никто не собирается отпускать!

Глава 1

***

– Ох, бабуля, ты могла мне домик оставить где-нибудь в нормальном месте, а не в лесу, среди волков, медведей и лосей? – возмущаюсь, но продолжаю пробираться по одной-единственной дороге, которая ведёт меня, я очень надеюсь, в правильную сторону.

Навигатор сдох ещё километров пятьдесят назад. По его могучей электронной руке я сейчас еду где-то по лесу, причём ловко маневрирую между болотами и озёрами.

– Я приличная дама, вдова, материться не умею, ну разве что мысленно, и вообще... Ёб твою ма-а-а-ать! – ору на всю машину и резко бью по тормозам, когда мне под колёса выпрыгивает самый настоящий сохатый.

Он смотрит на меня, а я на него! Хотя, вероятно, он смотрит на фары, и если бы у меня сейчас сердце не громыало где-то в горле, ушах, мозге, ещё в заднице...

Интересно, а у сердца бывает расщепление личности?

– Ох, бабуля, ты меня, конечно, прости, но это мохнатый зверь сибирской наружности, с четырьмя лапами, косолапый, и который должен спать зимой в берлоге, но по чистой случайности он забрёл ко мне в жизнь и решил, что пройдёт по ней! – шиплю раздражённо на всю машину. – Брысь! – опускаю чуть стекло и ору в темноту ночи на этого лося. – Вали с дороги, дебил! Я здесь уже сама с собой разговариваю!

Да, Таня, так Новый год ты ещё не встречала!

Перевожу взгляд на часы, что светятся в верхнем правом углу электронной панели моей машинки, которую я честно угнала... у родственников моего покойного мужа!

Разворачиваюсь и быстро дотягиваюсь до пакета из супермаркета, который посещала в последнем городке.

– Водка, – вздыхаю я и рассматриваю бутылку. – Хотя какой Новый год, такой и напиток.

Пытаюсь открутить крышку, но рука соскакивает и попадает на рычажок переключения света, и он гаснет. В один момент мир вокруг погружается в темноту, как и всё вокруг меня, но это ровно до того момента, пока я не замечаю, что тушка лося двинулась с места.

Я так и замерла, наблюдая за этим зверем в лунном свете ровно в двенадцать ночи уже первого января. Лось же медленно прошёл вдоль машины, внимательно смотря на меня, будто он может что-то увидеть сквозь тонированное стекло.

Взглянула на то, как это чудо природы махнуло башкой раздражённо и побежало трусцой.

– Пффф! – громко выдохнула и обернулась к пакету на заднем сиденье. – Пить в одиночестве — это приговор, но закусывать всё равно нужно.

Палка колбасы сырокопчёной хорошо легла мне в руку. Вдохнула полной грудью, стараясь проглотить раздражение и обиду, откусила зубами хвостик и положила пробку себе между ног.

– Ху! – резкий громкий выдох, и я опрокинула бутылку в рот.

Горячая жидкость обожгла горло, заставляя зажмуриться. Запретив себе дышать, проглотила то, что попало в рот, нарушая всю мою микрофлору и качественно дезинфицируя мои дыхательные пути, убрала бутылку и шумно вдохнула, прижимая к носу палку колбасы.

Откусила кусок, который смог поместиться мне в рот, и начала тщательно пережёвывать. Еду нужно жевать хорошо, чтобы потом не было проблем с пищеварением.

– Боже, Таня, ты о чём вообще думаешь? Стоишь посреди тайги в неизвестном месте, на одной-единственной дороге, которая поведёт тебя взад или вперёд, бухаешь и тщательно пережёвываешь колбасу. Вершина блаженства!

Проглотив довольно сносный продукт мясокомбината, смотрю вперёд. Дорога освещается до ближайшего поворота почти полной луной. И мне бы испугаться, но страшнее зверя, чем человек, я всё равно не видела, так что:

– Ещё по одной, Танюша, и в путь!

Повторив все действия в нужном порядке, закрыла бутылку и положила её на соседнее сидение, рядом с гордо надкушенной палкой колбасы.

Поправила волосы, что немного растрепались, достала помаду, чтобы поправить рабочую зону, проверила, на месте ли сиськи, и снова тронулась с места. Мне бы задуматься, зачем я это всё делаю, но нет!

– Боже, дай мне знак, что я еду в нужном направлении! – молитвенно прошептала в пустоту салона.

Здесь же даже радио не работает, так что еду я чисто по личным воспоминаниям из детства. Хотя указатель был правильный, когда сворачивала по нему.

Я не могу ещё и заблудиться на одной единственной дороге! Должно же быть хоть что-то положительное в уходящем... ой, уже в ушедшем году! Я ведь вела себя прилично!

Матом не ругалась!

Не дралась!

Слабых не обижала!

Сильным мира сего по яйцам не стучала, хотя хотелось страшно!

Бабуля с мамулей сказали, что товар, то бишь я, возврату не подлежит, так что я и решила, что мой свадебный подарок, который честно приберегла на чёрный день, как раз будет теперь кстати! Кто же знал, что этот день настанет так быстро!

Я уже сбилась со счёта, сколько проехала поворотов. В туалет хочется до такой степени, что у меня скоро в ушах забулькает! Но останавливаться не буду!

Да ну нафиг! Лось — это было только начало. Я знаю, здесь не только они водятся. И я не горю желанием, чтобы какая-то бедная зверушка отравилась моим ядом в этом лесу.

Нервно прыскаю от собственных мыслей и подъезжаю к развилке. Одна дорога ведёт левее, и на ней виднеются только две колеи. А вторая — почищенная. Но, судя по тому, что последний час езды снег начал сыпать, будто кто-то там наверху решил, что можно притрусить эту местность ещё немного снежком, скоро не будет видно и этой. Лучше поехать направо!

Сворачиваю в выбранном направлении, и через десять минут свет фар выхватывает огромный дом из сруба!

– Мать моя женщина, а отец — мужчина! Вот это бабуля мне подарок сделала! – довольно присвистываю и паркуюсь у дома.

Домик точно в два этажа, но очень хочется, чтобы он был ещё и тёплым. Я не смогу сейчас ещё и нагреть его. Я же девочка, и у меня лапки. Ой, зараза, пора забывать про лапки, Таня!

– Ой, всё, Таня! Выключай девочку. Жизнь городской девочки закончилась. Пора вспоминать корни, – вздохнула я и вышла из машины, прихватив с собой сумочку, бутылку водки и палку колбасы, оставив включённым свет фар. Потом выключу, когда пойму, есть ли здесь свет или нет.

Поднялась по высокому крыльцу и попыталась открыть дверь ключом, который у меня был в сумочке.

Но спустя минут пять мне наконец-то дошло, почему ключ не открывает, хотя проворачивается. Дверь, оказывается, открыта.

Прошла внутрь и замерла в гостиной-кухне. Большая печка посреди комнаты сразу бросилась в глаза, а ещё массивный стол, который сделан из полубрёвен. И такие же высокие, массивные деревянные стулья.

На печке стоит кастрюля. И это немного напрягает уже захмелевший мозг. Но я всё же подхожу к печке и вожу рукой над ней. Холодная. А вот сама кастрюля ещё тёплая. Открываю её и застываю на мгновение.

Каша?

Бабушка, что, знала, что я приеду, или сдала кому-то дом? Хотя я же не заметила никого при подъезде!

Придерживая волосы, опускаю голову, чтобы понюхать кашу, и слюна сама собой выделяется во рту, ощущая этот божественный запах.

Свет, что падает в дом от моей машины, помогает сообразить, что электричество здесь быть должно, вот только непонятно, почему не включается.

Насыпаю себе тарелку каши и, прихватив большую ложку, что лежала рядом с миской, ем и пытаюсь понять, что же мне делать дальше.

Открываю бутылку и наливаю себе ещё порцию для согрева. Выхожу на улицу и выключаю свет в машине, чтобы не сел аккумулятор. И, прихватив с собой фонарик, старенькую биту, что когда-то прикупила ради прикола и которая была честно спрятана под сиденьем, иду проверять дом на наличие живых существ.

На часах, что ещё работали в машине, показано, что уже половина четвёртого утра. Так что самое время ложиться спать. Новый год встретила, пора и честь знать!

Поднимаюсь на второй этаж по деревянным ступенькам и замечаю две двери. За первой — небольшая комната с односпальной кроватью. Пытаюсь вспомнить, рассказывала мне что-то об этом бабуля. Но мозг уже приятно плывёт от выпитого и пережитого.

Подхожу ко второй двери, и, стоит её открыть, как я замираю на пороге.

– Мама дорогая! – буквально присвистываю я, осматривая комнату. – Да это не просто царская кровать, это целый траходром! Здесь потеряться можно! Если бы не так холодно было.

Зябко вздрагиваю и понимаю, что мой максимум на сегодняшнее раздевание — это шубка, в которой я и приехала.

Подхожу к кровати, поднимаю одеяло вместе с тёмным покрывалом и, скинув шубку с сапогами прямо на пол, ныряю в холодную постель, прихватив с собой биту.

– Ох, мне бы сюда хотя бы мишку из сказки. Я бы честно призналась, что это я ела из его миски и сидела на его стуле. Только бы теплее стало, – прохрипела в пустоту комнаты и спрятала голову под одеяло, чтобы быстрее согреться, и прижала к себе деревянную подружку.

Всё равно ничего не смогу сделать сегодня. Мне нужно просто поспать, пускай и в холодном доме. А утром...

Но кто же знал, что вселенная так буквально воспримет моё желание и решит его воплотить, как только утренний свет проникнет в комнату, а меня, как нашкодившего котёнка, выдернут огромные ручки из нагретой кровати.

Глава 2

***

– Миш, да брось! – за мной идёт брат, который прекрасно знал, что я Машку готов разорвать за то, что она сделала мне, но всё равно пригласил её на Новый год. – Ну что, теперь праздник портить?

– Знаешь, Володь, пошёл ты нахрен, – отвечаю ровно, не повышая голоса, и открываю дверь своей тачки. – Можешь и дальше идти отмечать праздник, только без меня.

– Брат, ну не дуйся! Это же бред какой-то? Ну не подумала Настя... – а это он уже о своей жене. – Решила помочь. Бабы, что с них взять!

– Вов, иди бери, что хочешь, но без меня, – говорю и захлопываю дверь перед братом.

Пуускай он и старший, но вертел я такие праздники на колёсиках, как любит говорить Варюша – младшая дочь брата и моя крестница.

– Увидимся в следующем году, – киваю брату через стекло.

Его виноватый вид говорит только о том, что Вовка прекрасно знал коварный план его благоверной, но решил промолчать и не сообщать мне о том, что сегодня у них будет моя бывшая.

И я бы, может, спокойно это воспринял, если бы Машка пришла сюда не одна, а со своим «правильным парнем». Но нет! Эта дура решила, что она незаменима и может вернуться, когда ей в голову взбредёт!

– Мишка, мать твою! – заорал мне вслед Вовка.

На автомате резко затормозил и открыл боковое стекло:

– Маму не трогай, брат! – громко сказал, перекрикивая работающий двигатель. – Потом же сам задолбаешься от неё по шее получать.

Есть у Некрасова замечательные строки, которые я помню ещё со школы, и всегда видел в них маму:

Есть женщины в русских селеньях

С спокойною важностью лиц,

С красивою силой в движеньях,

С походкой, со взглядом цариц...

Вот не зря мы Царевы! Всё от мамы пошло! Пуускай и батина фамилия!

Вот и Машка мне казалась когда-то такой же. Настоящая красавица! А вышло... Обрываю себя даже мысленно: нельзя девочек обижать! И оскорблять тоже. Можно только звёздами называть. Хотя с некоторыми так и хочется изменить первую букву в звездатом прозвище!

Смотрю на часы на запястье и понимаю, что Новый год встречу в дороге. Но лучше так, чем с этой... звездой!

«Ты бы подумал, брат! Ну дура была, с кем не бывает», – заливал мне Вовка, пока я пытался переварить короткое мини на Машке и весь её течный вид, на что получил от меня всего один-единственный вопрос:

– А если бы твоя Настя так сделала, что бы ты сделал?

Вовка побледнел, и мне не стыдно, что старшего брата мордой ткнул в косяк жены. Настя прекрасно знает, как мы расстались с Машкой, и всё равно пошла на поводу у подруги.

Пытаюсь сообразить, что у меня есть дома пожрать. Хотя в кладовой есть всё, чтобы пережить голодную зиму, так что не хрен жировать, Царёв!

Но судьба решила по-другому, и я не доехал до своей берлоги, которую с таким усердием восстанавливал и приводил в порядок, километров десяти, как у меня закончился бензин.

– Сука! – прошипел в пустоту салона, сжал руль покрепче и снова застонал, когда в руках оказался разорванный пополам чехол для руля. – Да чтоб тебе всё поперёк встало! – гаркнул и вышел из тачки.

В эту сторону всё равно никто не ездит. Так что ничего с тачкой не случится. Натягиваю шапку, достаю «битые» валенки из багажника, застёгиваю куртку повыше и, прихватив ружьё, чтобы вдруг не нарваться на голодающее зверьё, двигаюсь в сторону дома.

Дома в гараже есть и запас бензина, и снегоход, который можно будет зарядить, чтобы доставить бензин к моей малышке. Нехорошо бросать ту, что точно не предаст!

Пока иду к дому, пытаюсь осознать, где же моя жизнь свернула не туда. А ответа так и не приходит. Из-за снега, что шёл ночью, шаг замедляется, а мороз помогает освежить мозг и понять, что поступил правильно.

Уже подходя к развилке, где сворачиваю направо, замечаю волка, которого часто подкармливал последние годы. Он замирает посреди дороги, не сводя с меня взгляда, переводит золотистые глаза на ружьё, висящее на плече. Делает осторожный шаг в сторону, но замирает, бросая ещё один взгляд на меня, а потом в сторону моей избушки.

Нужно будет ему завтра мяса вынести. Что-то отошал братец в последнее время.

Волк убегает, а я, пройдя ещё немного, понимаю, что меня начинает напрягать. Сквозь ели виднеется моя изба, а рядом с ней стоит пикап!

И что за незваные гости пожаловали ко мне в дом?

Вероятно, у меня произошёл какой-то сбой в подкорке, но я терпеть не могу чужих в доме.

Проверяю патроны в стволе и, обойдя пикап, подмечаю, что тачка закрыта. Вхожу в дом и чуть ли эмаль с зубов не стираю: мой стул сдвинут, на столе стоит пустая миска, из которой явно ели. И это, мать вашу, моя миска!

А ещё нос с мороза точно улавливает женский запах!

– Вовка, если это ты устроил, тебе пизд*ц! – рычу себе под нос и иду наверх.

А войдя в комнату, понимаю, что под одеялом что-то шевелится. Мелкое. По размерам на подростка смахивает.

Тычу в самую большую выпуклость под одеялом стволом и подвисяю, когда из-под него выпадает бита, ёпты!

Сдёргиваю одеяло и моё состояние подвисания от вида оттопыренной попки в чёрных обтягивающих брючках становится на новый уровень. А ещё белой копны волос, которая разметалась по моей подушке и точно оставила на ней свои следы!

– Сгинь, мудила, – бурчит этот чёрно-белый цветочек, хлопая ручкой вокруг себя, явно в поисках одеяла, что зависло в моей руке, заставляя мою челюсть упасть и шандарахнуть о пол, так же, как и бита минуту назад.

Это вот этим от меня собирались защищаться?

И мне бы схватить эту гостью, которая явно здесь не просто так, и вышвырнуть на мороз, но что-то заставляет замереть, рассматривая выпуклую округлость пятой точки!

Кажется, это мой подарок, который сейчас будет рассчитываться за то, что ел за моим столом и спит в моей постели!

– Ты кто такая? – нависаю над блондиночкой, которую резко разворачиваю на кровати, но чуть не задыхаюсь от ударной дозы перегара из прелестного ротика.

– Сгинь, дедуля, – машет на меня эта бессмертная, а я закипаю.

Это я, мать твою, дедуля?!

Глава 3

***

– Ты кто такая? Как сюда попала? – надо мной гроыхает мужской голос, а перед глазами мелькает белая мокрая борода.

Это что за сон? Ой, блин, пить надо меньше, Таня! Но что-то слишком реальные прикосновения, запах и движения воздуха вокруг.

– Нечего рычать здесь. Сгинь, дедуля! – огрызаюсь спросонья. Я терпеть не могу, когда меня будят.

А тут ещё и холодно. Я девочка нежная... по утрам... иногда. Но!

– Снегурочка, я тебя сейчас голым задом на снег выкину, если ты не откроешь свой рот и не скажешь, как оказалась в моём доме! – голос надо мной звучит уже чётче и явно не похож сейчас на старческий.

А дальше меня выдёргивают из тёплой кровати и встряхивают за плечи. Мало того что я еле согрелась, дыша себе под одеялом и нежно поглаживая плечики, так теперь меня ещё и из кровати выдернули, которую я с таким трудом себе грела!

– Слушай, медведь-переросток, пошёл из моего дома! – шиплю я, пытаюсь проморгаться и настроить фокус зрения. – Руки убрал, а то я...

– А то ты что? – ухмыляется этот «дедуля», слишком нагло осматривая меня, а я теряюсь. – Давай договаривай! А потом отработаешь мне неожиданную ночлёжку, Снегурочка!

– Пффф! – громко выдыхаю в лицо незваного гостя и только сейчас соображаю, что это никакой не дедуля!

– Ой, бя! Не дыши на меня, лань! – кривится этот хам и резко отпускает меня из своего захвата.

Ноги касаются пола не сразу. И только упав на пол пятой точкой, я понимаю, что висела всё это время в воздухе!

– Ай! – вскрикиваю, когда всем своим весом прибиваю мою малышку к деревянным доскам. – Ты совсем озверел?! И кто такой вообще? Нормальные люди сначала стучат в дом, прежде чем войти, а не выдёргивают хозяйку из кровати!

Пытаюсь подняться с пола и жду, что вот это, стоящее надо мной в куртке, валенках и с ружьём в руках, подаст руку, но ничего не происходит!

На меня смотрят два тёмных глаза из-под таких же белых бровей. Вот только сейчас я начинаю соображать, что это иней на них, а не цвет такой.

– И всё? – продолжаю нести чушь, хотя нужно воззвать к собственному инстинкту самосохранения и умолять его на коленях явить милость моей буйной натуре. – Потыкал в меня своей пукалкой, прервал прекрасный сон, где я отрываю голову медведю голыми руками, и даже руку не подашь, чтобы помочь подняться?

Из рта этого громила вырывается что-то смутно напоминающее хрюк или кряк. Как-нибудь потом разберу, а потом он слишком неожиданно присаживается на корточки, опираясь локтями в колени, склоняет голову набок, будто я представляю какое-то забавное существо, и растягивает губы.

– Ой, не пугай меня с утра, – отмахиваюсь от этого громила. – Убери вот это, – обвожу его лицо пальцем в воздухе, – с лица. А то у меня будет несварение, а это вредно для пищеварения.

– Ты кто, смертная? – и снова хрюкает этот хам всё с тем же дебильным выражением лица.

– Слушай, мужик, я понимаю, что на ближайшие сотню километров нет нормального жилья, но это мой дом, моя кровать, и тебе лучше...

Договорить у меня не получается, так как комната наполняется бархатным, грудным мужским смехом. По коже пробегают мурашки, а взгляд скользит по габаритам этого образца сильных мира сего.

И нужно же было моему инстинкту самосохранения именно сейчас пробиться сквозь сонный и ещё немного захмелевший нрав.

Большой. Ну вот как в былинах. Широкие плечи. Рубленые черты лица. Мощные ноги. Блин, да меня две нужно, чтобы его штаны на мне нормально смотрелись!

А ещё большие ладони с длинными пальцами. Выпуклые вены проступают на тыльной стороне рук этого незнакомца и убегают под резинку рукавов куртки.

А ещё... мне бы заткнуться, но что-то явно идёт не так!

– А это у тебя вторая пукалка или так... утренний стояк? – киваю между широко разведённых ног мужика и поднимаю невинный взгляд к его лицу.

– А тебя учили, что девочкам по лесу гулять в одиночестве нельзя? – спрашивает в ответ мужик. – Или это чья-то шутка, и сейчас из-за угла выскочит какой-то хрен, обвинив меня в соращении малолетней?

– Вот я даже не знаю, обидеться мне сейчас и врезать тебе моей старушкой или похвалить и дать с полки пирожок, – огрызаюсь в тон этому обледеневшему идиоту. – Свали из моего дома, чудо!

Перекачиваюсь на колени, пытаюсь подняться с пола. Вот совершенно не вставляет мне сидеть на попе перед этим, но у меня снова что-то идёт не так. В следующий миг меня отрывает от земли ручища и, ухватив поперёк талии, несёт из комнаты.

– А-а-а-а! – кричу я, начиная брыкаться. – Пусти, идиот! Ты куда меня тащишь? Девочек обижать нельзя!

Даже пытаюсь отпинать этого амбала ногами, но только больнее себе делаю. Но стоит ему выйти со мной на крыльцо, как я замечаю большую зверюгу, очень уж похожую на волка, сидящую у самой первой ступеньки и внимательно смотрящую на нас.

И оказывается, я очень ловкая, потому что в следующий миг уже обвиваю этого мужика за талию ногами, как маргышка, и тихо шепчу:

– А теперь медленно вертай взад, болезный. Видишь, до чего зверье в лесу дошёл? Сбежались на тебя, идиота, посмотреть.

Но мне бы подумать, почему этот уникам продолжает стоять на месте и всё так же одной рукой придерживает меня. Вот только теперь ещё и нагло сжимает мою многострадальную попу.

– Серый, – громко произносит мужик и явно обращается не ко мне, хотя взгляд его сейчас направлен на меня. – Я тебе здесь мяска хотел подкинуть, но, судя по выдыханию вредных паров, ты можешь отравиться. Так что я пока её отмою, почищу, а как все токсины выйдут, дам и тебе попробовать.

– Ты что, какой-то больной? Тебе повылазило, что это дикий зверь? – продолжаю огрызаться, а мне бы уловить все сказанные предложения этим варваром.

– Слушай сюда, девочка, которую обижать нельзя! – этот хрен таёжный ухватил меня за щёки и выдохнул в лицо паром изо рта. – Я тебе даю последний шанс сказать, что ты делаешь в моём доме. И тогда, так и быть, помогу тебе отсюда по-быстрому слинять.

– Это мой дом! – с трудом выговариваю сквозь сжатые щёки.

Он снова хмурится. Смотрит мне в глаза слишком внимательно, крепче прижимая к мощному телу. А потом на его лице снова появляется то самое выражение, которое в приличном обществе принято называть улыбкой, но вот на конкретно этой морде это выглядит пугающе.

– Если я тебе сейчас докажу, что дом мой, ты на коленях будешь вымаливать прощения за свой дерзкий язык!

Дергаю головой и даже умудряюсь клацнуть зубами у самого носа этого мужлана.

– Давай! Неси меня обратно в дом и доказывай! – огрызаюсь я. – Но если всё выйдет, как я говорю...

Глава 4

Спокойно, Таня! Ничего страшного не произошло! Ну подумаешь...

– Царёв, значит, – стараюсь говорить спокойно, но голос подрагивает. Да и мысли почему-то слишком быстро разбежались, когда я сообразила, что маленько ошиблась.

– Мг, – довольно кивает этот мужлан, восседая на своём стуле, который я, как оказалось, осквернила своим задом. – Потапова, значит.

– Мг, – отвечаю в тон этому медведю. – Вдова Потапова, – добавляю маленькую деталь и даже стараюсь улыбнуться.

Надеюсь, у меня это сегодня получается красивее, чем у Царёва.

– Ты когда успела, крошка-матрёшка? – хохотнул Михаил.

Ах ты хамло царское!

Делаю глубокий вдох и замечаю, как глаза Царёва быстро перемещаются в стратегически важный район моей грудной клетки. Закидываю ногу на ногу и хочу сказать, что я думаю о нём, как понимаю, что начинаю заваливаться набок!

Причём даже сам Царёв двигает голову в сторону одновременно с моим телом!

Успеваю только руками ухватиться за стол, чтобы позорно не грохнуться на пол. Да что за день такой? Вестибулярный аппарат явно пострадал из-за долгой, почти двухсуточной дороги и короткого сна в холодной постели.

И вишенкой на торте, а точнее звездой на ёлке, сегодня же первое января, стало то, что я, мать вашу, перепутала название, направление или всё сразу! И промахнулась километров на пятьсот-семьсот!

– Всё в порядке! – не знаю, кому говорю это – себе или Царёву, но так и хочется стереть его наглухо ухмылку.

Встаю со стула, на котором сидела, как девочка в первом классе, доставая только носочками до пола. Сдёргиваю шубку со спинки, поднимаю битку, которую успела прихватить с собой со второго этажа, когда искала доказательства, что я облажалась, и, расправив плечи, снова постаралась улыбнуться.

– Ну, в общем, спасибо за то, что вежливо указал на мою оплошность. Я теперь буду более внимательно записывать данные. А теперь мне пора в путь, – иду к выходу, чувствуя взгляд этого Царёва... Да везде я его чувствую!

Разве может нормальный мужик так смотреть, что кажется, будто он меня засунул в кабинку флюорографии и видит сразу всё, чем я начинила себя за последний год? Нет! Нормальный так не умеет! А этот...

Вот точно медведь и его берлога! Тьфу, зараза! Сглазила сама себя! Вот учила меня бабуля, что рот мне нужно открывать крайне редко и только для пополнения внутренних запасов запахов. А я же смелая, красивая!

Как та лошадь на цыганской свадьбе: голова в цветах, а жопа в мыле!

Но даже здесь, когда большая часть моего идиотского характера вытекла в занимательный внутренний монолог, я оборачиваюсь у двери, смотрю на этого расслабленного медведя, который широко расставил ноги, откинулся на спинку стула и внимательно смотрит в мою сторону.

Иди, Танюша, с богом! Молча иди!

Но кто же слушает здравый смысл, который явно родился намного позже, чем я сама? И теперь развивается с запозданием, болезненный!

– Ах да, чуть не забыла! – снова растягиваю губы, надеюсь, в приветливой улыбке, открываю сумочку и достаю кошелёк. – Ночлежку оплатить же нужно. И за кашу спасибо. – Быстро подхожу к столу и, достав пару купюр, кладу их рядом с Царёвым. – Этого же хватит?

Мой покойный Севка часто говорил, что если бы я ещё умела вовремя затыкаться, цены бы мне не было. А он меня терпит только потому, что любит!

– Ночлежку решила оплатить, – вроде бы спокойно повторяет Михаил, переводя взгляд с меня на деньги.

Но что-то в его голосе поднимает все мои волоски дыбом. Я даже рукой провожу по голове, чтобы проверить, не торчат ли у меня волосы в разные стороны.

– Была рада познакомиться, – нервно пискнула и рванула к двери.

Вот только стоило её открыть, как я замерла в шоке.

– Это что такое, мать вашу? – спрашиваю, смотря на то, как снег валит стеной.

– А это Сибирь, детка, – раздаётся за спиной низкий голос Царёва, а я из последних сил пытаюсь сдержать в себе визг. – Но ты не стесняйся! Километров десять ты точно проедешь в нужном направлении. Или можешь закрыть дверь, вернуться к столу и слёзно просить оставить тебя заночевать в этом доме. Но что-то мне подсказывает, что бабок тебе не хватит!

Набираю в грудь побольше воздуха и сжимаю в руке битую, мысленно выстраивая набор слов в предложения. Думаю, через запятую будет самое то!

И тут на всю округу разносится пронзительный свист!

Вздрагиваю и пытаюсь понять, что это такое мелькает в снежной стене. Одно тело или там и несколько?

– Мишаня, ты здесь? Выходи, не бойсь! – громко кричит мужской, немного картавый голос.

– Иди в дом, Таня! – голос Царёва становится ледяным.

Такой тон даже строгим не назовёшь! Это какая-то смесь медведя, лося и дикого кабана. Интересно, а если их и правда скрестить, что выйдет? Ой, мать же твою, Таня! Твой мозг ещё не включился нормально после выпитого ночью!

– А это тоже Сибирь? – спрашиваю, понимая, что к дому идут несколько мужчин и все они явно вооружены.

– Ага, – хмуро соглашается Михаил и втаскивает меня в дом, отодвигая от окон. – Вон там, – он кивает головой в дальний угол дома, – под лестницей есть подпол. Если что, ты же сообразишь, как его открыть и спрятаться там?

– Эммм, – пытаюсь выдать что-то более вразумительное, но не получается.

– Да что же вы, бабы, такие тупые! – стонет Царёв и с силой тащит меня в сторону, куда только что показывал.

Дёргает на себя деревянную крышку с пола. И под ней – правда подпол. Стеллажи, банки, мешки. Да здесь можно жить год и не тужить.

– Сюда залезешь. В дальней стене есть дверь. Через неё можно будет выйти, вдруг чего. Метров сто в лесу – выход. Поняла? – дёргает за плечи и заставляет взглянуть в глаза.

– Да поняла! – рявкнула в ответ, а на улице снова раздался свист, только уже слишком близко.

Царёв нахмурился, пробежался по мне взглядом, поставил на пол и пошёл на выход, прихватив с собой ружьё, что висело на спинке стула, на котором он сидел.

Прикрыла глаза, силясь понять, ну почему мне так везёт, но адекватных мыслей в голову не пришло.

Наверное, родилась я в какой-то невезучий год. Вот поэтому в свои двадцать восемь уже чего только не повидала!

Открыла глаза и медленно осмотрела дом, куда достаёт взгляд.

– И ничего огнестрельного или убойного нет, – вздохнула я обречённо в очередной вспоминая покойного мужа, как он прятал от меня всё оружие в доме, пока не заметила за крышковой подпола торчащую битую, только приплюснутую. – Интересно, Царёв в лапту что ли играть любит?

Нахмурилась, зависая взглядом на этой древнерусской бите, и неожиданно вздрогнула, когда на улице раздался одиночный выстрел.

– Точно, лапта! Давай, Танюша! Вспоминай бурную школьную жизнь!

Вот была я в школе Танька-полторашка. А всё почему? Потому что, мелкой росла. Доска-плоска! Чего я только не наслушалась за школьные годы. Хотя и сейчас ненамного вымахала. Метр шестьдесят всего! И правда была страшненькой и только после двадцати во мне проявились все нужные округлости! А до этого только и могла скакать с пацанами по крышам и доводить бабуля с мамулей до белого клаения! Но зато с самого детства рука тяжёлая, и удар поставлен!

Боженька, я честное слово старалась стать примерной женой и приличной женщиной. Но явно где-то произошёл сбой! Так что можно я уже немного развлекусь?

Хватаю эту приплюснутую битку и даже успеваю мысленно восторженно похвалить создателя этой красоты. Ручка-то резная. Спускаюсь в подпол, нагибаю в корзинку, что стоит здесь же, картошки покрупнее и выпрыгиваю назад.

– Эх, сейчас бы пивка для рывка, а самогону для разгону. Так же вроде говорят? – шепчу себе под нос и закатываю глаза, представляя, что сейчас бы сказала бабуля с мамулей на мои выражения! – Ай, ладно! Потом!

Открываю дверь и наблюдаю занимательную картину. У Царёва по лбу и щеке течёт тёмная кровь. Его ружьё торчит в сугробе метрах в пяти, а самого медведя прижимают к моей машинке, окружая с четырёх сторон. Не честно, товарищи!

Эх, была не была!

– Эй, мужики! Вы в лапту играть умеете? – кричу громко, привлекая внимание всех сразу и становлюсь в стойку, быстро оценивая, чтобы бита моя не влетела в дверь. – Ну, слабоумие и отвага мне в помощь, – шепчу и подбрасываю первую картошку в воздух. – Принимаем!

Глава 5

***

– Царё-ё-ёв, – тянет Кирсан, стоя чуть впереди двоих своих братков. Вот вроде пора бы повзрослеть, а мы всё туда же. – Я же тебя предупреждал: не трогай Машу. Моя она!

И Валера нагло сплёвывает под ноги.

Да что же это за японский городской? Чего эти бабы портят весь Новый год? И этот туда же!

– Кирсан, ты сюда приехал только за этим? – вскидываю бровь и медленно спускаюсь по ступенькам.

Вроде же их должно было быть четверо. Или мне привиделось из-за метели? Да мать их! Сколько бы ни было! Вот только мозг уже активно просчитывает то, что может случиться с отбитой Танюшей, которая смотрела на меня как на сказочника, когда я быстро объяснял порядок действий. Что нужно делать, чтобы не попасть в лапы Кирсана.

Он вроде и стал старше, но паскудой остался ещё той! И женат уже был. И жены его сбегали с голым задом, потому что... убить его мало, но это статья!

– Если ты решил поискать пропажу здесь, то ошибся адресом, – стараюсь говорить ровно. – Да и нечего было двести километров рулить, чтобы уточнить это!

– Конечно, нет её здесь! – скалится Кирсан и смахивает снег с плеч, который будто взбесился и ещё сильнее начал сыпать. – Я своих баб контролирую. И она уже сидит смирной сукой в моей тачке. А ведь поехала за тобой!

Во рту скапливается желчь от слов Кирсана. Мы с Валеркой со школы были по разные стороны баррикад. Он — пробивной и слишком хитро... задый парниша из неблагополучной семьи — старался выгрызть себе место под солнцем, не особо обращая внимания на то, каким способом у него это получалось.

А я... Точнее, мы с Володькой с самого детства на отцовской пилораме. Сначала помогали сами, как могли. А потом, когда стали старше, отучились — уже сами развили всё до полномасштабного производства.

Но это не убрало тот факт из нашей жизни, что каждый хочет лёгких денег срубить. Нас не трогают только потому, что разговор у нас с братом всегда короткий. Сломанные рёбра, носы — и братки радуются, если уходят от нас с целыми конечностями, а не упакованными в морозильные контейнеры.

И Кирсан честно несколько раз старался прижать нас. Даже поджоги делал, пакостил, как гнида. Пока я не сломал ему ногу, переехав её своей тачкой. Жалею ли? Нет!

Вот после этого эта гнида и решил действовать подло. По-бабски!

– Нехорошо девочек обижать, Кирсан, – вздыхаю и вскидываю ружьё.

– Ты слишком правильный, Царёв, – скалится Кирсан. – Из-за этого ты до сих пор с рогами и ходишь. А я сук воспитываю. Бабам нужна жёсткая рука, чтобы держать этих шкур в ежовых рукавицах!

Интересный совет! Даже можно было бы его применить на деле, вот только та мелочь, что сейчас в доме сидит, не выдержит наших суровых реалий. И наказаний — так точно!

– Валер, скажи, тебе что, так хочется мне по морде дать, что ты решил испортить себе праздник и припереться сюда? Можно было бы просто прийти ко мне на работу — и всё было бы по-прежнему, – продолжаю говорить, но мысль о том, что что-то упускаю, всё сильнее зудит в затылке. – Ты бы, как гнида, снова что-то поджёл, а я бы поймал тебя — и другу ногу сломал бы. И честно дал бы себе вмазать. Ну чтобы тебе не обидно было.

Скалюсь, замечая, как Кирсан покрывается красными пятнами от злости! Но не двигается. Всегда был ссыклом!

– Ты думаешь, что тебя здесь кто-то сегодня спасёт, Царёк? – со злостью спрашивает Валерчик. – Ты здесь один. И мне насрать на все твои громкие угрозы. А Машка... Она правильно всё сделала. Сука пошла за тобой, думая, что ты спасёшь, а помогла мне поймать тебя, падла!

– Слишком дохера громких слов, – хмыкаю и вскидываю ружьё.

А в следующий миг мне в висок прилетает прикладом. Боль такая, что я теряюсь на секунду — и той крысе, что напала сзади, этого достаточно, чтобы выхватить ружьё и отбросить его в сторону.

Меня ведёт, но с ног не падаю. А вот удар по рёбрам приходится ещё неожиданнее!

Отскакиваю к тачке Танюши Снегурки и сквозь туман в глазах вижу, как эти крысы достают стволы и ножи.

– Ну что, Царёв, где смелость твоя подевалась? – голос Кирсана звучит довольно близко. – Давай, я жду. Что ты там грозился мне сломать? Ногу? А давай мы начнём с твоей, – добавляет он, и я замечаю, как он кивает двоим, что всё это время стояли возле него, в мою сторону.

Сука. Драться долго могу. И уложить тоже многих могу. Зря что ли мы с Володькой на брёвнах тренировались. А вот сломанные конечности — это будет кабзда!

– А сам так и ссышь выйти со мной один на один, – хмыкаю, пытаюсь проморгаться, чтобы уловить движения.

– Ну что ты, – лыбится, как шакал. – Я подожду, когда ты башку свою поднять не сможешь. На коленях будешь умолять твою хату не трогать. А потом уже и выйду с тобой. Один на один, – начинает ржать Кирсан.

Мозг уже начинает просчитывать, что я могу сделать в той или иной ситуации и как убережешь ту, что стала незваной, наглой, пьяной гостьей в моём доме, как с крыльца раздаётся громкий окрик:

– Эй, мужики! Вы в лапту играть умеете?

Вот всё же хорошо в такие моменты получить по башке. Пока кровь вытекает из головы, она не так сильно давит на другие органы и замедляет реакцию.

Кирсан сначала округляет свои глаза, а потом, повторяя действия своих шестёрок, обращивается на зов Снегурки.

В её руках бита для лапты, что ещё когда-то батя нам делал с Володькой. Мы в неё часто любили играть. Особенно когда съезжались все родственники вместе. Рядом стоит корзинка с картошкой, что должна быть в подполе — как и эта дура!

Но сама Танюша явно против, и, судя по тому, что она быстро становится в стойку, делает замах и, оттопырив тощий зад, громко добавляет:

– Принимаем!

– Е-бать! – только и успеваю процедить я, как первая же подача прилетает тому, что врезал мне по виску прикладом, прямо в морду.

– Это, бл*ть, что такое?! – орёт Кирсан, а на всю округу к завыванию ветра добавляется отчётливый хруст сломанной кости — и ошмётки картошки разлетаются в разные стороны.

– Убью! – воет мудила, а я уже добегаю к ружью.

Оборачиваюсь и застываю от вида, как ещё одна картоха догоняет Кирсана в затылок. Он заваливается мордой в снег. Мат разносится на всю округу, и я замечаю, как он достаёт ствол и быстро передёргивает затвор.

Выстрел гремит эхом — и даже зверьё затихает в округе. Возле Кирсана вздымается облако снега, а я снова корю себя за то, что не смогу в него выстрелить, а только рядом.

Валерчик замирает и смотрит в мою сторону бледный, как тот самый снег.

– Поднялся и съеб*лся отсюда. У тебя минута! – говорю чётко и сначала слышу, а потом замечаю выскочившие снегоходы из тропы, по которой ходит зверьё или можно срезать, когда летом идёшь к избе.

В башке шумит — то ли от адреналина, то ли от того, что я всё же убеждаю себя, что в людей стрелять нельзя! О том, что одно мелкотравчатое создание стоит сейчас на крыльце моего дома с битой в руках, стараюсь не думать.

По глазам Кирсана вижу, что только что подписал договор о военных действиях — и это просто трюндец как паршиво! Не до разборок сейчас мне!

Кирсан садится на один из снегоходов, а тот, что с разбитой рожей, продолжает выть, запрокидывает голову и садится на второй.

Они отъезжают, а я оборачиваюсь — и первое, что замечаю, как в меня летит подача. Увернулся только благодаря реакции — и картошка чётко прилетела в лобовое стекло тачки Танюши.

– Моя машинка! – застонала эта...

– Ты, бл*дь, амазонка с картошкой! В дом пошла! – гаркаю на взмыленную Татьяну и слежу за каждым её движением, понимая, что эта мелочь, у которой ни сиси, ни писи, и жопа с кулачок, картошкой и битой может нос сломать, не задумываясь.

Вот только Танюша с места не двигается, а смотрит куда-то мне за спину, где я снова подмечаю силуэт Серого. И не испугался же выстрела моего!

Нужно дать пожрать волку.

– Ты оглохла? — спрашиваю у Тани, переводя на неё взгляд. — В дом пошла, а потом вытащила из-под пола кусок мяса и притащила сюда!

– Я сейчас из тебя мясо сделаю, скотина таёжная, — шипит мелкой зверушкой эта и успевает только склониться к корзине, как я уже взбегаю по ступенькам и дёргаю её вверх.

Но я совсем не ожидаю того, что мне битой прилетит по яйцам!

– Ах ты... — задыхаюсь от боли и рефлекторно отпускаю её руку.

Вот по своему достоинству я точно не планировал получать первого января!

– Это тебе за мою машинку!

Глава 6

***

Смотрю на это чудо природы, а в мыслях одно-единственное сравнение: выкидыш КАМАЗа, мать твою! Да ещё и травмоопасный!

Хотя так принято называть «акушки», которые гоняют по улицам наших посёлков и городка — в особенности летом. Хотя зимой тоже есть те, кто умудряется проехаться на этом прекрасном произведении отечественного автопрома. А если где застрянешь, главное — поймать прохожего, с которым за крылья приподнимешь эту красоту и поставишь в колею.

Но «акушки» страшненькие, а вот эта... снегурка — довольно хорошенькая. Даже очень! Главное, чтобы рот не открывала, да просто глазками хлопала.

Мама, прости, и, надеюсь, ты никогда не узнаешь, как твой сын мысленно называет белокурое недоразумение, которое не понимает, что я могу её раздавить одной рукой! Сейчас только подышу немного, чтобы унять колокольный звон в ушах, и вот точно займусь... раздавлением!

Но, судя по тому, что льётся из этого прекрасного ротика, который я с каждой секундой всё сильнее хочу заткнуть своей «пукалкой», у этой прелестницы явно с повышением градуса отшибло инстинкт самосохранения! Хотя и «друг мой сердешный» сейчас явно в шоке от происходящего! От такого несуразного создания ещё не отгребал никогда! Но, может, это всё адреналин?

Я, когда подхватил эту задиру на руки — точнее, под руку — и потащил на улицу с чётким пониманием, что выброшу её в снег, пусть протрезвеет, явно где-то просчитался!

Чем ниже по ступенькам спускался, тем чётче понимал, что хочу наказать эту мелочь! И в этом контексте слово «наказать» принимало возрастную пометку «двадцать один плюс»! Я даже позы увидел, в каких это буду делать и на каких поверхностях!

Но стоило мне открыть дверь и выйти на крыльцо, как возле него уже сидел Серый. Волчара явно понял меня, когда мы виделись на пути домой, и пришёл за провизией. Но это знаю я, а вот Снегурка, оказывается, довольно ловкая — и через мгновение уже висела на мне, как мартышка. И мне бы сказать спасибо волчаре, да только Кирсан, сука, всю малину перегадил!

В башке что-то свернуло не туда ещё в момент, когда я, вместо того чтобы сразу идти и пристрелить Кирсана и его братков, потащил эту Снегурку в дом и сказал спрятаться! Вот, ей-богу, не планировал я никаких баб себе на Новый год! Да и не люблю я тощих!

Женщина должна быть сочной, круглой во всех нужных местах, мягкой. Чтобы руки трогали и утопали в молочной коже и женском сладком аромате!

А эта... тощее недоразумение! Ни жопы, ни сисек... Хотя, судя по тому, что я наблюдал, когда она шумно пыхтела, глядя в документы, подтверждающие, что дом мой, сиськи там точно есть! Но в мою руку нужно две сразу всунуть, чтобы ощутить их!

А вот удар у этого недоразумения поставлен хорошо! Расшибить стекло с одной подачи — нужно уметь!

— Что ты смотришь на меня, гиббон траншейный? — выкрикивает вообще непонятные слова эта пигалица и размахивает руками, в которых продолжает сжимать битку. — Тебе ружьё для чего? Только в жопу девочкам тыкать?

— Гиббоны здесь не водятся, недоразумение, — рычу сквозь зубы и чувствую, как боль медленно отступает.

— У тебя сейчас заведутся! Гарантирую! — шипит Танюша и снова замахивается битой.

Проверять, что она хочет сделать дальше, не позволяет мой собственный инстинкт самосохранения рода Царёвых, так что мне приходится снова совершать быстрые, точные движения.

— Уймись, дура! — дёргаю её на себя и только сейчас понимаю, что она дрожит. — У тебя совсем не откладывается в башке, что девочка с мальчиком воевать не должна. Не по весовой категории!

Танюша вздёргивает свой мелкий нос, а я подвисяю. В глазах — буря, щёки красные, и непонятно — от стресса или от мороза. В волосах столько снега, что, как только в дом войдём, превратится эта дикая снегурка в мокрого барсука!

Но вот взгляд! Смотрит на меня так, будто я самый главный злодей этого дня!

— Это ты дурак, Царёв! — наконец открывается её ротик. А я-то думал, губы смёрзлись. Наивный! — Я тебя спасала, между прочим! А ты...

— Зубы не болят? — спрашиваю совершенно не то, что хочу.

А вот на Танюшу мой вопрос действует отрезвляюще. Округляет свои глазки, смотрит на меня уже не как богатырская полужена. До полноценной не хватает килограмм пятьдесят.

— Что? Зубы тебе мои нужны? — выдыхает с шипением.

И, ловко вывернув руку, поднимает её и тычет пальчиком в рану на голове, заставляя меня снова материться!

— Ой, больно, что ли? А я думала помочь ещё раз, чтобы весь мозг не вытек!

Сжимаю зубы и понимаю, что болеть они начинают у меня. У этой крошки-матрёшки явно всё в порядке.

Снова хватаю её поперёк и теперь уже ташу в дом!

— Пусти, зараза такая! — вопит Танюша. — Я тебя сейчас бить буду!

Встряхиваю её снова, и от неожиданности Танюша роняет битую — как раз на пороге. Писк, вой, какой-то странный набор букв. Нужно хоть запомнить, а то вдруг она меня здесь прокляла, а я и знать не знаю. Поинтересуюсь у бабулек знакомых.

Подношу её к столу и сажаю на него, и совсем невоспитанно вклиниваюсь между тоненьких ножек!

Танюша замирает, но по глазам вижу — это секундная передышка.

— Сейчас благодарить меня будешь, бешеная, — говорю строго и так же стараюсь смотреть на это недоразумение.

— Это я тебя благодарить должна?! — писк срывается из сочных, дрожащих губ. И чего это меня потянуло в эту степь?

— А-то! Это тебя чуть не пристрелили, дурёха! Если бы я не добежал до ружья...

— Вот именно! — её пальчик снова утыкает мне в лоб, где уже гудит от нахлынувшей боли.

— Да мать твою!

— Маму мою нечего трогать! Тебе не понравятся последствия! — огрызается Танюша, а я снова подвисяю. — Да и если бы у тебя мозги работали как нужно, ты бы не разговоры разговаривать начал с этими бандюками, а аккуратненько перестрелял бы их — и никто бы не нашёл следов!

— Ружьё — для зверья, а не для человека! — строго произношу, вспоминая слова бати, с которыми мы росли.

Этот закон в нашем доме всегда строго соблюдался. Да и сейчас мы с Володькой не отходим от этого правила.

— Мой дедушка тоже так говорил, — фыркает Танюша, вот только голос резко меняется, словно обречённостью наполняется. — Сказать, что с ним случилось?

Снег в её волосах и правда растаял, хотя дом ещё не топлёный, но вот вид у Танюши стал какой-то... Она замолчала, опустила голову, и меня обдало запахом мёда и молока — совсем не вяжущимся с этой мелочью, но...

— Здесь сиди! — строго сказал, сбрасывая странное наваждение, что полезло в башку. — Сейчас принесу пластырь, перекинь и бинт. Будешь лечить меня.

Танюша подняла на меня сощуренные глазки и слишком медленно растянула их в, я надеюсь, доброжелательной улыбке.

— Хорошо, Мишенька. Неси, — ещё и головой кивнула. — Обработаю тебя... по полной. И почему после её слов у меня даже в заднице засвербело? Не глисты же это?

Глава 7

***

— Ты что, спортсмен? — спрашиваю первое, что пришло на ум, лишь бы не чувствовать себя... вот так странно!

— С чего вывод? — хриплый голос Мишани что-то заставляет вибрировать внутри меня. Хотя я могу ошибаться, и это просто выходит адреналин из организма.

Отрываю чистый кусочек ватки, обильно смачиваю его в перекиси и прикладываю к ране на голове Царёва.

— Блин, ну больно же! — стонет он. — Что за женщина? Где твоя нежность, ласка, сострадание?

— Всё пало смертью храбрых, как и моя лобовуха, — огрызаюсь в ответ, но из последних сил сдерживаю себя, чтобы не придавить рану.

Синяк будет большой, да и шишка уже надулась. Радует только то, что кровь вышла, а не собралась под кожей.

«Боже, Таня, о чём ты думаешь?! Тебя чуть не пристрелили. Ты решила вспомнить бурную молодость. Волк ходит где-то вокруг избы. Машина разбита. Снег не перестаёт, а только усиливается, будто специально замуровывая меня с этим медведем таёжным. А я переживаю о том, что здесь синяк не такой большой и рана перестала кровоточить?!»

Царёв снова шипит, когда я беру в руки бинт и заживляющую мазь и от души прижимаю к ране, стараясь пальцами стянуть разорванные края. Отрываю бумажку от пластыря, который нашла в аптечке, и приклеиваю с одной стороны. Повторяю все манипуляции с другой, а память, как подлая подружка, сразу же подкидывает мне воспоминания, в которых я вот так же точно обрабатывала рассечённую бровь своего покойного Севки.

Я, мелкая и невзрачная, дедушкиным ружьём в старом гараже отогнала троих уродов, которые уже били Севку ногами. Жаль, конечно, что у него там были холостые патроны. Но сработало!

А ещё отдача, которая выбила мне плечо! Но поняла я это только когда привела в себя Севу и обработала его синюю морду. Он ушёл, держась за рёбра, а через неделю приехал к нам домой, в съёмную квартиру, и предложил стать женой.

— Так с чего вывод, что я спортсмен? — голос Царёва прозвучал чуть ниже, но я чётко уловила изменение его настроения.

— По башке получил, но сознание не потерял, — начинаю перечислять и отхожу от него на безопасное для себя расстояние, начинаю убирать грязную вату. — Даже по яйцам получив, на колени не встал. А я так ждала, — закатываю глаза, снова входя в образ наглой и беспринципной стервы.

Сейчас это моё лучшее оружие, чтобы не слететь с катушек. Слишком много произошло за последнее время — того, что вспоминать бы никогда не хотелось.

— Ну, мои яйца видали и не такое, — хмыкает Царёв и снова откидывается, садясь в расслабленную позу и расставляя ноги — нужно сказать, мощные. «Или я уже об этом думала?» — А спорт мой — это брёвна таскать да контролировать процесс распила доски.

— Ну, могла бы догадаться, — фыркаю я и осматриваюсь вокруг.

Сгребаю в ладони всё, что израсходовано, и иду искать мусорное ведро — ну или хоть что-то, отдалённо напоминающее то, куда можно всю эту гадость скинуть.

А ещё мне срочно нужно либо повысить градус в организме, либо уйти куда-нибудь, чтобы не видеть, не нюхать и не чувствовать этого Мишку царской наружности.

— Слушай, крошка-матрёшка, я начинаю волноваться за себя и свой дом, — в голосе Царёва слышится улыбка, но я стараюсь не смотреть на него. — И ты даже не спросишь, почему?

— Зачем спрашивать, если ты сам ответишь, — фыркаю и понимаю, что здесь нет ничего, что я ищу!

— Сначала издавала странные звуки своим дерзким ротиком, а теперь кругами пошла по дому, да ещё и с моей кровью в руках, — уже в открытую насмехается этот идиот. — Ты, случайно, не ведьма?

Резко оборачиваюсь на слова этого засранца и жалею, что взглядом нельзя убить! Хотя я бы сначала его раздела. Оценила бы по достоинству каждую часть тела, а потом, так уж и быть, казнила!

Я успеваю только рот открыть, как на улице раздаётся взрыв — довольно мощный, но по звуку понимаю, что где-то в отдалении!

Царёв подсакивает со своего стула, будто не у него башка пробита, и быстро бежит на улицу.

Приходится всё стряхнуть с рук обратно на стол и идти за Мишей. Немного нервно и страшно от того, что от этого звука по коже пробежал противный озноб.

Царёв замер на крыльце и уставился в сторону, где над лесом поднимаются клубы чёрного дыма.

— Сука! Падла! — матерится Царёв, ловко сбегает по ступенькам, несётся вниз, а потом сворачивает за дом.

А я смотрю на чёрные клубы дыма и обхватываю себя за плечи. Снег вроде начал стихать, а вот мороз, наоборот, крепчать. Громкий грохот, звук запустившегося двигателя — и над моей головой загорается лампочка.

— А вот и свет, — хмыкаю, но что-то мне не весело.

— Генератор я запустил. Бензина хватит, пока я вернусь. Иди в дом и... сделай что-то бабское! — машет в мою сторону, будто я назойливая муха и рот не закрываю.

— Царёв, а ты случайно не глухой? — спрашиваю довольно спокойно, хотя очень жалею, что этот мужлан спрятал битку, когда искал аптечку.

— Продолжай, — рычит он, а я на каком-то уровне улавливаю, что он сейчас злится — и очень сильно.

— Ушла! — рывкаю в ответ и возвращаюсь в дом.

Сажусь на стул, и следующие десять минут наблюдаю, как Царёв носится по дому, надевая куртку, валенки, вторые тёплые штаны, балаклаву. Берёт лопату, ружьё и даже огнетушители!

Всё это происходит молча и с чётко поставленными движениями. А через пятнадцать минут я даже перестаю слышать звук работающего двигателя снегохода, на который Царёв запрыгнул и укатил в закат — буквально!

На потолке еле слышно гудит лампочка. Вот только она не греет. А я начинаю слишком явно ощущать холод — и голод.

— Ну что, Таня, как тебе перспектива остаться на ночь в доме, который и не твой-то? — спрашиваю сама у себя, обхватывая плечи и растирая их быстро. — Да нормально, чего уж! Шовинист, неблагодарная скотина, медведь неотёсанный. Одним словом — Царёв!

Хихикаю сама над своими мыслями и жду, что из-за угла выйдет бабуля или мама и скажет, что это уже клиника, Танька. Разговаривать сама с собой — невоспитанно!

— А ещё я точно околею, если буду ждать этого лесного рейнджера, — добавляю и поднимаюсь со своего места.

Снова обхожу дом и стараюсь понять, где же взять хоть что-то, что можно положить в печку и разжечь.

Когда-то ж дедушка учил меня этому нехитрому делу! А я только плевалась и говорила, что я... да я... да вообще никогда в жизни не буду жить в деревне!

Открываю дверцу печки — и тихое счастье разливается в груди. Там уже всё готово. Нужно только спички...

— Да-а-а-а, — тяну я и тяжело вздыхаю. — Чувствую, я быстрее согреюсь без огня, пока буду в этой медвежьей берлоге искать всё.

Но через десять минут я всё же нахожу спички и даже успеваю найти, где лежат дрова. А ещё через час в доме становится не просто тепло, а по-настоящему... как дома.

Я даже умудряюсь пожарить картошку, которая не израсходовалась из лукошка. Но когда за окном стемнело, а Царёв так и не вернулся, я поняла, что день испорчен окончательно.

— И не буду я волноваться за этого медведя! — фыркаю я и иду на второй этаж.

О том, что не прочь помыться, я вспоминаю, когда забираюсь в постельку. Но сил нет ни на что. Руки вымыты, лицо тоже. Рабочая зона утратила свою привлекательность, так что можно не переживать, что её кто-то захочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.